

© 1994 г. ЗЕЛИКОВ М.В.

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКАХ ИСПАНИИ

(Ареальные черты, происхождение и функционирование)

Понятие эллипсиса (сокращения) той или иной языковой единицы в речи или тексте как грамматической фигуры восходит к трактату "Об ораторском искусстве" Квинтилиана из васконского города Калагура (совр. Калаорра) в Тараконской Испании. Несмотря на то, что изучение настоящей фигуры признается важным этапом для развития синтаксиса [1, с. 74], исследователей в основном занимал риторический аспект проблемы. Так, в комментариях к художественным текстам эллипсис оценивался как языковая неправильность того или иного автора и рассматривается в одном ряду с отсутствием согласования и анаколютом, а также как экспрессивное средство, придающее тексту динамичность, выразительность и повышающее силу эстетического воздействия на читателя [2, с. 64]. С античных времен эллипсис воспринимается как разумное и здоровое сокращение, способствующее быстрейшей доходчивости фразы. Следствием отнесения эллипсиса к стилистическим ресурсам языка было практически полное исключение его из традиционных грамматик, ориентированных, как правило, на изучение литературного стиля.

Опущение или пропуск элемента, направленное на снятие избыточности, так или иначе непосредственно связано с грамматическими возможностями того или иного языка — один из приемов, находящийся в арсенале говорящих в процессе коммуникации. Тем не менее можно констатировать, что единственной фигурой сокращения, хорошо исследованной в грамматиках древних и современных и.-е. языков, является зевгма, в основном интересовавшая исследователей как риторический прием [3], — "оказиональное сочинение как пропуск одного из компонентов высказывания, легко восстанавливаемого из контекста, при котором смысловая ясность обычно обеспечивается смысловым и/или синтаксическим параллелизмом" [4]. Сведение к зевгме практически всей проблематики эллипсиса объясняется литературной спецификой текстов, послуживших основным материалом при написании грамматик, в которых она является наиболее частотной эллиптической единицей. В наибольшей степени это относится к ранним памятникам и.-е. языков [5]. По признанию основателя структурного направления в исследовании синтаксиса П. Лемана, "модели эллипсиса еще только требуют своего более детального изучения" [6].

В большинстве случаев под обозначением "эллипсис" имеется в виду исключительно зевгма. Так, в комментариях к произведениям Святой Тересии Авильской указывается, что проза ее помимо зевгмы содержит большое количество разнообразных эллиптических моделей [2, с. 63], которые, в отличие от зевгмы, требуют специального изучения. Именно они составляют специфику структуры конкретных языков. При переводе диалогического фрагмента кастильского говора из Сеспелоса де Тормес *A'ndæ vais? — A garbanzos (— a comer garbanzos)* [7] зевгматическая структура ответной реплики сохраняется, в то время как эллиптическая специфика (опущение инфинитива глагола *comer*) не передается: "Куда идете? — (Идем) есть бобы".

Подобное положение не может считаться удовлетворительным уже потому, что внушительный регистр грамматических (синтаксических) моделей с пропущенным

компонентом отражает необходимую для функционирования любого языка тенденцию к компрессии высказывания, связанную с объективным законом к языковой экономии или принципом наименьшего усилия, противопоставленную тенденции к избыточности (А. Мартине), (плеоназм, перифраза или специальные модели синтаксической эмфазы [8]). На две важные, противопоставленные "антагонистические" тенденции разговорного языка — "убывающую" и "замедляющую" указывает В. Байнхауэр [9]. Компрессия, как и суперсегментация (= пресуппозиция), обуславливаемые стремлением к передаче большего количества информации в единицу времени, являются двумя способами, осуществляющими тенденцию языкового развития [10].

«Если возможность невербального мышления заложена в самой природе человеческого мозга, — отмечает А.Т. Кривоносов, — то это свойство мозга не может не отразиться и действительно отражается в структуре языковых построений в тексте. Мысль о возможности невербального мышления возникает в языке в связи с изучением различного рода эллиптических, одночленных, односоставных предложений и в связи с проблемой "подтекста". Отметим, что и полные, распространенные предложения содержат в себе смыслы, непосредственно не представленные в единицах этих предложений, т.е. являются трансформом нескольких предложений с такой глубинной структурой, которая представляет собой "спрессованный" вариант нескольких предложений: они выступают лишь в "свернутом виде" в качестве второстепенных членов данного предложения» [11, с. 73]. И далее: «Число предложений в тексте всегда меньше их пропозиционных содержаний (нет компрессии содержания, а есть лишь компрессия языковой формы — номинализация, свертывание структур). Поэтому явление компрессии, уплотнения вербального состава текста (*Verdichtung*) — одна из существенных характеристик текста, который представляет не только линейное следование предложений, но и линейное следование свернутых пропозиций. Если раньше мы полагали, что только в видимых и слышимых формах языка реализуется мышление, то сейчас должны признать, что мышление реализуется не только непосредственно в формах языка, но и опосредованно, косвенно, "между строк", между строго определенными словами и строго определенными предложениями» [11, с. 74].

Компрессия, являясь одним из грамматических средств, обуславливающих прагматику высказывания, определяет многие известные характеристики в области синтаксиса разговорной речи, особенно ярко проявляющиеся в условиях диалога. В их числе — фрагментарность, "лоскутность" конструкций, краткость и неразвернутость предложений, возможность недосказанности, обрыва [12].

Кроме того, как отметил Е.Д. Поливанов, «в сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем "в чем дело". Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось бы в формальных значениях употребляемых нами слов, нам нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только необходимыми намеками» [11, с. 75]. Экспериментальные исследования позволили психологам также установить, что свертывание речевых высказываний происходит за счет выпадения достаточно усвоенных общих положений по типу логических энтимем [13].

Известно, что на уровне текста существует как бы два "этажа": мысль, выраженная явно, и мысль, выраженная неявно. Отсюда понятно, почему в последние годы столь пристальный интерес лингвистов обращен к когнитивной лингвистике, к лингвистике смыслов [11, с. 74]. В положении о двух "этажах", вполне применимом и к диалогической речи, тем не менее, важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что исчерпывающее предварительное исследование ресурсов первого "этажа" (способы явного выражения мысли) явится необходимым условием для успешного перехода к исследованию второго "этажа" (способы неявного выражения мысли). В числе ресурсов первого "этажа", относящихся к компрессии, имеются совершенно

устойчивые, регулярные модели и стереотипы предложений, которые выкристаллизовались в естественном языке и своей семантико-синтаксической формой уже отражают такую закономерность человеческого мышления, как способность элиминировать некоторые промежуточные мысли, служащие отражением наиболее общих положений, добытых человечеством ("общим фондом знаний" собеседника, их "общей апперцепционной массой") [11, с. 79].

Первостепенной задачей ближайших исследований должно стать выявление конкретного набора сверхфразовых единств, синтаксических построений, словосочетаний, сложных и простых слов, равно как и семантического наполнения этих единиц языка, дающих богатейшие возможности элиминации (компрессии) языковых форм для выражения различных форм мысли [11, с. 81].

Стремление к возможно более полному исследованию синтаксического арсенала диалогической речи обуславливает необходимость считать методически оправданной точку зрения об эллипсисе как о высказывании, в котором отсутствует любой компонент, обязательный для правильных с позиции универсальной грамматики конструкций. Универсальная грамматика восходит к учению великого испанского грамматиста XVI в. Франсиско Санчеса де лас Бросас (Бросенсе), развившего идеи своего предшественника и соотечественника Квинтиллиана: эллипсису посвящена четвертая часть его универсальной грамматики "Минерва" (1562 г.). Обращение к проблеме эллипсиса актуально и в настоящее время и по отношению к современным языкам. После десятилетий игнорирования настоящего явления в традиционных грамматиках и извлечения его из забвения в XX в. последователями Н. Хомского изучение происходит в русле рассмотрения других, как правило, глобальных проблем общего языкознания. На материале французского языка эллипсис хорошо исследован как стилистическое явление [14; 15, с. 196] и рассматривается в теоретических грамматиках [16].

Тем не менее необходимо описание и изучение всей шкалы эллиптических возможностей. Выявление конкретного набора компрессивных моделей на материале современных романских языков в принципе осуществимо. Отметим при этом, что в зарубежной испанистике исследование эллиптических моделей все еще носит фрагментарный характер [17, 18]. Кроме того, отдельные компрессивные эллиптические модели, зачастую как эллиптические не определяемые, рассматриваются в исследованиях, посвященных изучению целого комплекса проблем разговорного языка [19, 20], а также отрывочно указываются как конкретные языковые проявления различных психолингвистических факторов [21]. В отечественной испанистике внимание эллипсису уделяется только в известной монографии Н.Д. Арутюновой [22]. Не ставился до настоящего времени и вопрос о совокупности факторов, повлиявших на происхождение конкретных эллиптических моделей.

В настоящей работе как эллиптические рассматриваются все компрессивные усеченные и неполные модели испанского языка. Принцип компрессии — опущение [силепсис, или отсутствие согласования или умолчание (эллипсис *par excellence*)] какого-либо элемента. Таким образом, к эллиптическим мы относим все конструкции с легко восстанавливаемыми из конкретной ситуации элементами, а также конструкции с нулевой связкой, в роли которой выступает либо экзистенциальный, либо активный глагол. Обязательным критерием эллиптичности является требование к наличию полного коррелята той или иной модели в современном языке.

В ряде работ испанских авторов 70—80-х годов в числе явлений разговорного синтаксиса приводятся некоторые неполные модели диалогической речи. Однако систематическое изучение компрессии их структуры до настоящего времени не проводилось [23, 24].

Как мы предполагаем, все основные случаи синтаксического эллипсиса (т.е. определяемые критерием наличия полных коррелятов в современном языке и легко восстанавливающие недостающие элементы из ближайшего контекста) можно

объединить в следующие группы: 1) конструкции с недостающим элементом пропозиции; 2) конструкции с опущением части периода (включающие модели с имплицитным модусом и инфинитивные предложения, утратившие управляемый глагол, описанные Ф. Санчесом). К конструкциям первой группы мы относим: а) модели эллипсиса существительного, узнаваемого по наличию различных детерминативов (в их числе определенный и неопределенный артикль, определение, глагол); б) модели эллипсиса определения (в свою очередь распознаваемые по именному и глагольному детерминативам); в) модели эллипсиса глагола (здесь можно отметить полное опущение глагольной формы, модели эллипсиса первого или второго компонента аналитического сказуемого и модели эллипсиса неличных форм глагола); г) модели эллипсиса служебных частей речи — предлогов, союзов, артикля.

К конструкциям второй группы мы относим: а) эллипсис предложения в пословицах и поговорках, представляющих сложный период; б) эллипсис главного предложения (полный или частичный); в) эллипсис придаточного предложения (полный или частичный).

В числе моделей эллипсиса главного предложения — конструкции с имплицитным модусом, имеющие место при опущении глагола главного предложения и изучавшиеся Санчесом для объяснения отдельных случаев латинского конъюнктива. С ними смыкаются модели так называемого независимого инфинитива, непротиворечиво объясненные Санчесом, ибо они также имеют эллиптическую природу [1, с. 90]. Отметим, что предпринятые в отдельных работах [23, с. 23] попытки объяснения последних в связи с особой предикативностью инфинитива, дающей ему возможность функционировать вместо личных форм, несостоятельны. То же следует отнести и к герундию, "независимые" модели которого образуются в результате опущения первого компонента составного сказуемого. Особую группу эллиптических конструкций составляют модели трансформации по цели высказывания и по структуре и смежные инверсионно-эллиптические и эмфатическо-эллиптические модели. Не вызывает никакого сомнения, что трансформационному эффекту в них сопутствует опущение различных компонентов. Вопрос о конкретном семантическом наполнении моделей всех приведенных групп эллиптических конструкций рассматривается особо [26].

Основным назначением настоящей работы является акцентуация роли компрессии в процессе диалога как важнейшего фрагмента теории речевых актов, что в свою очередь помогает прояснению сложных явлений структуры предложения. Высокую функциональную нагрузку в разговорном испанском имеют модели трансформации вопросительных условных предложений в восклицательные: *¡Si él es tranquilo y bueno!* (Киньонес) — *¿Cómo puede hacerlo si es tranquilo y bueno?* "Он же такой спокойный и добрый!" Ср. исходный вариант рассматриваемой модели, представляющий в полном виде сложноподчиненное (с придаточным условным) вопросительное предложение в переводе "Селестины", осуществленном К.Х. Селой: *Cómo has pensado hacerlo, si es un traidor?* [27, с. 73] "Как ты могла подумать сделать это, коли он предатель?" Примечательно, что в оригинале в настоящей диалогической реплике вместо *si* — релятивный союз *que* (*¿Cómo has pensado hazerlo, que es un traidor?*), несомненно, сообщающий высказыванию большую экспрессию (*si* в этом плане = *que* только в компрессивной модели).

Настоящие модели неоднократно привлекали внимание грамматистов. Л. Контрерас рассматривает их как независимые эмфатические предложения [28]. А. Нарбона Хименес считает, что о них нельзя говорить как о "прерванных" структурах, полагая, что они "находятся в одном шаре" от моделей типа *si tú supieras!* "если бы ты знал..." и *si tú vieras lo grande que está!* "если бы знал, какой он большой", поскольку конкретное наполнение их затруднительно ("toda suspensión indefinida deja abierta la posibilidad de una significación elativa" [24, с. 250]). Отметим, что подобное уподобление не может рассматриваться как правомерное по нескольким причинам. Дело в том, что модели *¡si las tengo!*; *no, ¡si me gusta!* и *¡si es*

que no dices más que cosas raras! в отличие от предыдущих восклицательными становятся только в результате трансформации вопросительных предложений. Зачастую это ответные реплики в диалогах, которые, если исходить из коммуникативной характеристики, являются рематическими [15, с. 197]. При этом следует иметь в виду, что, как это отмечал М.М. Бахтин, "диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем" [29]. Тематический характер, несмотря на отдельные трудные для восстановления примеры, при этом имеют опускаемые главные предложения вопросительного условного периода, смысл которых точно угадывается из ближайшего контекста диалога или эксплицируется в вопросительном предложении непосредственно компрессивной модели с *si*. Ср.: *¿Usted no sabe donde está la Mina Rica? Pero, hombre de Dios, si mi pueblo es famosísimo* (Самора Висенте) — ... *¿Cómo no lo sabe, si mi pueblo es famosísimo* "Вы не знаете, где находится Мина Рика? Но, мил человек, ведь мое селение такое известное!"

Приведенные примеры убеждают в том, что опущение в настоящих моделях носит характер по существу зевгматический. Оно обусловлено стремлением к экономии в условиях полного понимания того, о чем идет речь. Особенность подобных пропозиций, представляющих акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим, и является объектом исследования теории речевых актов [30, с. 11]. Возможность опущения главной части, влекущая за собой трансформацию цели высказывания, всегда обусловлена здесь иллокутивной зависимостью их в конкретном отрезке диалога, сама структура которого опирается на иллокутивное вынуждение, подобно тому, как структура предложения формируется на основе синтаксической связи (подробнее об этом [31, с. 87—88]). Конкретный состав настоящих синтаксических структур вызывается характером (иллокутивным назначением) реплик из предшествующего речевого отрезка — интенции (намерения, речевого замысла), [30, с. 15], в свою очередь представляющего иллокутивно независимый речевой акт [31, с. 87].

В независимых восклицательных моделях типа *¡si tú supieras...!* конкретное наполнение исключается. В отличие от трансформированных моделей вопросительных предложений, опущенный аподосис которых всегда повторяет предшествующую вопросительную фразу, в полном виде они могут восходить к условному периоду с разнообразной структурой. Набор недостающих компонентов дополнения (или группы дополнений) произволен. В процессе коммуникации они неизвестны адресату и не могут быть конкретизированы самим говорящим (Ср. *¡si tú supieras eso!*; *¡si tú supieras lo que valen!*; *¡si tú supieras que podría hacer!* и т.д.). Примечательно и то, что характер аподосиса в них может быть различным и связанным с различными причинами [51, с. 202] никогда не является зевгматическим. Ср.: *¡Si tú supieras eso nunca se lo dirías!*

Трансформация повествовательных моделей в восклицательные может иметь место и в случае опущения главного предложения, придаточные которых, вводимые союзом *"como"*, имеют сложный статус условно-уступительных в диалогической речи. Восстановление, как и конкретный смысл эксплицированного придаточного, обязательно связано с широким контекстом. Ср.: *¿Cómo no se nos lleve a la cocina!* (Самора Висенте) "Отвел бы он нас на кухню!", букв.: "А то он не ответит нас на кухню!" Ср. полный вариант с настоящей моделью: *...aquí no escarba nadie como no venga la reina* (Делибес) "...копать здесь никто не будет, пусть хотя сама королева приезжает" (= "если только сама королева не придет").

Практически только начинается изучение моделей трансформации структуры,

¹ Ср. эффект шутки: *Стой, стрелять буду!* *Стреляю*, основанный на обыгрывании намеренного невозможности аподосиса в первом предложении, необходимого для его обычного понимания. Фраза, лишенная своего истинного значения (*Стой, если не остановишься, стрелять буду!*) приобретает анекдотическое и императивное. Ср. возможные варианты переводов на испанский: *¡Alto! ¡Si disparo!* (— *¿Cómo no te paras si disparo?*) *Dispara* (условный) и *¡Alto! ¡Voy a disparar!* *Disparo* (императивный).

представляющих смешанные инверсионно-эллиптические и эмфатико-эллиптические конструкции. Связь инверсии и эллипсиса, отмечаемая в некоторых исследованиях [32], обусловлена тем, что языковая структура всегда представляет собой систему взаимосвязанных элементов, явлений и процессов. Так, в тексте радиорепортажа о соревнованиях по боксу эллиптические именные фразы подаются в инвертированном порядке (сперва действие а затем деятель, а не наоборот, как обычно) [33].

В ряде случаев можно предположить, что инверсионное изменение структуры предложения является следствием эллипсиса одного из компонентов. Ср. при опущении существительного: *A poco llegaste tú* (Делибес) — *Al poco tiempo llegaste tú* — *Tú llegaste a poco tiempo* "Скоро пришел ты" (ср. изменение значения в случае *Tú llegaste al poco* "Ты пришел к немногому"). При опущении глагола: *¡Y eso qué?* — *Y eso qué es?* — *Y qué es eso?* "А это что?"; *Buena carrera esa* — *Buena carrera tiene ese* — *Ese tiene buena carrera*. "Хороша карьера у этого" (ср. изменение значения в случае *Esa buena carrera* "Это хорошая карьера").

Очень часто изменение порядка слов является следствием опущения связочного глагола: *¡Míralo! Guapoéll* (Фернандос Сантос) — *El es guapo* "Глянь на него! Красив!" (инверсия как необходимость избежать совпадения с субстантивированной моделью *el guapo* "красавчик").

В эмфатико-эллиптических моделях имеет место столкновение двух антагонистических тенденций. Хорошо известные эмфатические модели с опорным *ser* "быть", вопреки мнению авторов стилистики испанского языка, не являются "паразитическими" [34, с. 87]. Это производные, неполные варианты, восходящие к эмфатическим предложениям типа *lo que pasa (ocurre, sucede и т.д.)* *¡La cosa (el caso)!* *La fetén es que* "Дело в том, что...". Эллипсис первоначально расширенной структуры является экспликацией хорошо известной тенденции к одновременному расширению и компрессии в процессе спонтанной речи. Ср. аналогичные модели с *Lo que* (— *Lo que pasa es que*); *¡Lo que has tardado!* "Ты ведь опоздал!". Ср. также инверсионную трансформацию в рамках настоящей компрессивно-расширительной модели: *Pasa que son muchas horas de ir y de venir* (Гроссо) — *Lo que pasa es que son...* "Дело в том, что он уже много часов ходит туда-обратно". Инверсию при трансформации можно отметить и в предложениях с эллиптическо-эмфатическим *sí (que) guapa sí (que) lo es* — *ella sí que es guapa* "Красива она действительно", отличающихся от экспрессивных эллиптических моделей с *si* (см. выше), которые, однако, могут функционировать в составе эмфатических конструкций с опорным *ser*: *¡Si es que la gente estaba deseando llamarlo...!* В основе этого предложения две модели — компрессивная: *Si la gente estaba deseando llamarlo* (— *¡Cómo puedes dudarle si...?*), которая является компонентом расширительной: *si que la gente...* "Дело в том, что люди ведь хотели позвать его...!" Несомненно компрессивной является эмфатическая модель всего предложения, относящаяся к типу *cuando...* [35], в исходном варианте восходящей к временному придаточному сложноподчиненного предложения, восстановление главной части которого затруднительно. Ср.: *cuando yo digo* "я же говорю" (о других типах эллиптическо-эмфатических моделей см. [35]).

Анализ компрессивных структур с имплицитным модусом в сложноподчиненных предложениях позволяет выявить закономерность употребления "неправильных" с точки зрения универсальной грамматики времен и наклонений. Так, опущение глагола *hacer* в главном предложении эксплицирует употребление субхунтива: *Uno de los remedios... fue (hacer) que murasen...* (Сервантес) "Одним из средств... было закрыть его...". Восстановление глагола, опущенного в главном предложении, позволяет объяснить необычное функционирование имперфекта в *Mañana se iba Jorge a Chile* "Завтра Хорхе уезжает в Чили"; *Me dijeron que mañana se iba Jorge a Chile* [36] "Мне сказали...". С таким же "нетипичным" имперфектом мы сталкиваемся при опущении рематического придаточного: *Venía con nosotros* (Санчес Ферлосьо) "Она приехала с нами" — *Cuando sucedió esto venía con nosotros*.

Весьма актуальным представляется и вопрос о происхождении эллиптических моделей в испанском. Полная неразработанность его приводит к ошибочной интерпретации многочисленных явлений, так или иначе связанных с компрессией структуры испанского предложения. В числе их — совершенно неоправданное стремление объяснить как следствие влияния португальского языка употребление так называемого неличного "предикативного" инфинитива [25, с. 23], на самом деле также объясняющегося имплицитным модусом.

Известно, что целый ряд конструкций, будучи по происхождению латинскими, широко развиваются и становятся характерными именно для романских языков. В их числе конструкции, использующие инфинитив в значении личной формы [37]. Так, инфинитив в функции императива, хорошо известный в и.-е. языках и отмечаемый у Апулея: [*proeliare, inquit, et fortiter proeliare* (L.A.M.L.П, 17.2), букв. "сражаться, говорит, и крепко сражаться], на Пиренейском п-ове, помимо испанского, хорошо известен в каталонском: *Bon dia tingui... Descansar!* [38, с. 131] "Добрый день! Желаю вам отдохнуть!"; ср. также в других романских языках: итал. *non cantare* "не пой(пойте)!", франц.: *ne pas m'écrire des cartes* "писем мне не писать!"; сардин.: *allegàre!* (< лат. *allegare*) "говорите!" [39, с. 53]. Ср. также модели полемического и тематического инфинитива в португальском: *E conta que ele faça isso? — Contar eu?* (Ондина Брага, 154) — "...*Posso contar eu?*" "И ты полагаешь, что он это сделает? — Я полагаю!"; *E não ligas a isso? — Ligar, ligo* [40, 41] "А ты не присоединяешься? — Присоединиться-то я присоединяюсь..." (ср. также во французском [42]). Автор упоминаемой работы предполагает, что настоящая конструкция существует только во французском языке. Несомненно, что в этом случае следует учитывать мнение Й. Йордана, отмечавшего, что схождения между романскими языками в области синтаксиса не могут быть объяснены ни генеалогией, ни влиянием одного языка на другой и что они зародились отдельно в каждом языке под влиянием совершенно идентичных условий [43].

В языках Западной Романии помимо моделей с имплицитным модусом можно отметить множество параллелей и других эллиптических моделей с испанским. В их числе — конструкции с недостающим элементом пропозиции (эллипсис существительного, глагола, предлога), конструкции с опущением части периода и модели трансформации.

М. Каррера, основываясь на отсутствии в испанском некоторых моделей эллипсиса, имеющих в итальянском (опущение частицы *se* в протасисе условных предложений, опущение вспомогательных глаголов *essere* и *avere*), делает вывод о "бóльшей гибкости" итальянского языка по сравнению с испанским [44]. Подобное заключение вряд ли является правомерным: опущение глагольных вспомогателей имеет место и в испанском и отмечается уже в языке Св. Тересии и Сервантеса. Ср. *Perdone que no me levante — Perdonado* (= *Está perdonado*) "Простите, что не встаю. — Прощаю."; *aunque me divertido* (Св. Тересия) — *aunque me he divertido* — "хоть я и очень отвлеклась" и др. Кроме того, многочисленные примеры опущений других первых и вторых компонентов аналитического сказуемого присущи исключительно структуре испанского предложения. И таковых в испанском содержится намного больше. Не имеют параллелей в итальянском и примеры эллипсиса активных глаголов *hacer*, *tener*, *poner* и др. Ср.: *Eso vosotros — Eso haceis vosotros* "Это (делаете) вы"; *Yo con él una amistad — Yo tengo con él una amistad* "У меня с ним дружба". Ср. также опущение *tener* в составе аналитического предиката V+N: *Suerte! — Tengas suerte!* "Удачи тебе!" О других моделях см. [26, с. 26—27]. Следует также иметь в виду, что некоторым итальянским эллиптическим специфизмам соответствуют эллиптические специфизмы в испанском, ср. итал. *già fatto* = *ucn. ya está*.

Наибольшее количество параллелей испанских эллиптических моделей содержится, по вполне понятным причинам, в романских языках Пиренейского п-ова. К последним, например, помимо моделей "независимого" инфинитива, относят конструкции "de+Adj в испанском, португальском и румынском. Ср. португ. *A*

criança salta de contente "Ребенок прыгает от радости" [45, с. 23]. Отметим аналогичную конструкцию и в другом языке Ибероромании — каталонском: *Van veure d'aquelles pel·lícules que no entén ningú de tan enrevessades* "Они посмотрели один из тех фильмов, которые никто не понимает из-за того, что они такие запутанные".

В каталонском содержатся самые разнообразные аналоги испанских компрессивных моделей.

Ср. опущение существительных: *classe* [*Et mereixes el títol de pilot de primera!* (Карбо) "Ты достоин титула первоклассного пилота!"]; *treball* [(= исп. *trabajo*): *em costa reconèixer que m'he equivocat...* (Карбо) "мне трудно признать, что я ошибся..."].

Опущение глагола: *...a casa seva volen que el parli ja de petit* "...у него в семье хотят, чтобы он говорил (по-каталонски) уже с детства".

Опущение аподосиса: *Me'l deixes una mica? — Pero si és teu! Tè, agafa'l fort!* (Карбо) — "Ты мне его дашь ненадолго?" — "Да, он твой! Держи его крепко!".

Опущение главного предложения при трансформации повествовательных структур в восклицательные: *Quines amànides que farien, tant com els agraden* (= исп. *Qué ensaladas harían, con lo que les gustan*) "Какие салаты они бы готовили: ведь они им так нравятся!".

Опущение предлога: *el vestit sastre* [38, с. 130] — *el vestit de sastre* "костюм портного".

В числе эллиптических моделей каталонского, которые до настоящего времени практически в специальной литературе не рассматривались, можно отметить и конструкции, не имеющие структурных соответствий в испанском. В их числе — опущение глагола в словосочетании типа *tenir ganes de broma*: *En Ri-ri i L'Eriçó, que tenien ganes de broma, van començar a cridar* (Карбо) "Ри-ри и Эрисо, которые были расположены пошутить, начали кричать". Ср. в испанском: *tenían ganas de bromear/estaban de broma*.

Много эллиптических моделей в ближайших каталонскому пиренейских языках Южной Франции — гасконском и провансальском. Ср. опущение существительного со значением "вещь" (= исп. *cosa*) в устойчивых гасконских словосочетаниях "*so de+N*" (*so < asso* "это"): *so de la may* = франц. *ce (les choses) de la mère* = исп. *son las cosas de la madre*; [46, с. 129]. Опущение существительных *caso, ostau* в гасконском (= исп. *casa*) в "*ta(a)+Pr.*: *a(ta)bòsto, a(ta) boste* — "у вас" = франц. *chez vous*; В провансальском имеется необычное опущение предлога *de*: *raia lou rieu* "бег ручья" [47, с. 25] = исп. *el transcórrer del arroyo*.

Примеры отдельных параллелей специфических эллиптических моделей испанского можно отметить в латыни. Так, помимо материала, содержащегося в "Минерве" Ф. Санчеса, ср. опущение существительного после адъективного детерминатива *diarium* (= исп. *diario*) в "Сатириконе": *Post asellum diarium non sumo* "После дорогой рыбы я не ем ежедневного (пайка)".

Исчерпывающее исследование эллиптических конструкций в латыни представляется затруднительным прежде всего в связи с тем, что сферой функционирования последних является живая разговорная речь. С другой стороны, очевидное разнообразие и высокая частотность использования компрессивных моделей в испанском ставят вопрос о возможных местных причинах образования специфики эллиптических структур пиренейского ареала, с учетом данных каталонского языка и диалектов Южной Франции.

Весьма перспективным представляется и исследование материала неиндоевропейского языка басков, многочисленные особенности которого легли в основу формирования романских языков Пиренейского ареала. Большинство несомненных субстратных автохтонных баскских характеристик сохранилось не в нормативном литературном испанском, а в отдельных говорах и диалектах [8, с. 353—354], в которых и отмечается лавина доля фонетических, лексических и даже морфологических "баскизмов".

Сферой обнаружения исконных (субстратных) явлений синтаксического уровня, помимо говоров и диалектов, является разговорный язык, недостаточным

вниманием к исследованию которого, возможно, и объясняется полное отсутствие систематических сопоставлений со сходными структурными моделями в баскском. Характерной особенностью синтаксических испано-баскских параллелей при этом является то, что разговорным романским структурам в баскском соответствуют нормативные.

Компрессивность — в большинстве случаев также вполне нормативная — одна из характерных (для типичного романского восприятия) синтаксических особенностей баскского языка. Так, стиль бискайца — одного из персонажей "Третьей Селестины" Гаспара де Гомеса — определяется как "прерывистый", что вместе с финальной позицией глагола является типичной характеристикой баскской фразы [48]. Ср. одну из таких моделей *nik erran bezala* "как я это сказал" [49], в которой совсем не требуется восстановление прямого дополнения: (букв. 'мною сказано как').

Так, нормативными и устойчивыми для баскского являются словосочетания с частией *bait(h)a* "дом" (= исп. *casa*) в значениях "у кого-то", "к кому-то": *amaren baitharik* "идти от матери", *ene baithara* "ко мне", отмеченные еще Л. Бонапартом. Они соответствуют не только беспредложным французскому *chez le mari* и итальянскому *in casa il marito* "у мужа", но и кастильскому *en la casa (ca) el marido* [50, с. 126]. Ср. также в каталонском: *a cal notari* "у нотариуса"; *a cal baster* "у шорника" [38, с. 129] и в разговорном испанском: *Ni idea. A casa Pepe fuimos después* (Састре) "Без понятия. К Пеле мы пошли потом." О естественности настоящей модели, характеризующейся также опущением предлога *de* в пиренейском регионе, свидетельствует отрывок из "Путешествия в Лериду в Пиренеях" К.Х. Селы: *Al hostal de la Golodrina, la gente le dice casa de la Dolores, ca la Dulores, que es manera de senālar más viva y auténtica* [78] «Постоялый двор "Ласточка" народ называет *casa de la Dolores, ca la Dulores*. Это способ более живого и аутентичного наименования». Р. Менендес Пидаль отметил распространение этой модели "в вульгарной речи" для всей Испании, ср. астур. *la casa'l cura; en ca Ramiro* [51, с. 10].

Отметим в этой связи вполне устойчивые компрессивные модели с опущенным существительным со значением "дом" в "*Laguneneko sua*" — исп. *el fuego de (casa) del compañero* "огонь (дома) друга"* Andresenera: исп. *a(casa) de Andrés* "к Андресу"; Andresenetik = исп. *de(casa) de Andrés* "от Андреса" [50, с. 491], соответствующих испанским разговорным *Hoy estoy (= hoy estoy en casa)* "Сегодня я дома".

Обычно и отсутствие управления в *Urkixobaita* "дом Уркишо", букв. "Уркишо дом" (ср. наличие показателя генитива в сходном *Goikoetxea*, букв. "высоты дом") = исп. *morada de Urkixo* и эллиптическое разговорное *morada (casa) Urkixo* [50, с. 26]. Вообще в баскском словосложение типа N+N при отсутствии показателя управления (*-ren, -ko* = исп. *de*), как одного из показателей аналитизма — явление органическое. Ср. *Antzumea* "козленок": *Antzaren umea* = исп. *la cría de la cabra* [50, с. 259] "детеныш козы". Ср. также *Hauk guziak dolore—hatzeak dirade* = исп. *Todas estas (cosas) son comienzos de dolores* [50, с. 98] "Все это — начало горестей"; *Udan astare-egun gutsi egoien da. En verano suele haber pocos días de humedad* [50, с. 91] "Летом обычно мало влажных дней". По модели N+N образуются и многие аналитические существительные, соответствующие испанским словосочетаниям с предлогом *de*: *begieri* "болезнь глаз" = исп. *mal de ojos; begi kosko, begi-zilo* "глазная впадина" = исп. *cuenca del ojo* [50, с. 143]. В существительном *beilegi* "коровий (бычий) цвет" [*bei* "корова" + *legi* (← *ille* "волосы" + *gi*)], как мы предполагаем, имеет место опущение компонента со значением "цвет" (ср. разговорные эллиптические модели с опущением *color*): *Daukaguz buztar idi bi, bata beilegia bestea zuria — Tenemos dos bueyes de yugo el uno de color vaca, el otro blanco* [50, с. 145] — букв. *vaca (color) pelo — (de)pelo (color) vaca* "У нас два быка под ярмом — один коровьего цвета, другой белый". Ср. другие модели с опущенными существительными, которые не требуют в баскском восполнения: *Emerandeko yai batzuten yoañ mutil gazte bi Artiketakoak erromerire Karmenetik bera* "Во время некоторых праздников в Эмеранде двое молодых людей из Артигеты/ отправил на

ярмарку вниз от (церкви) Кармен” = исп. *de (la iglesia) Carmen* [52, с. 221] (ср. опущения существительных типа *cine, hotel, carcel, teatro* в испанском) *Asi zan danan zitike eta danan artien emon eutsien ederrak — Empezó a provocar y entre le dieron palizas* [52, с. 209] “Он начал приставать, и они надавали ему хороших (палок)”. То же и в отношении прилагательных: *Solomon bain o baingoa hemen da Aquí esta uno más (grande) que Solomón* “Здесь находится человек, более великий, чем Соломон” [50, с. 125].

Необычайно частотны в баскском нормативно-компрессивные образования, имеющие разнообразные испанские параллели предложений с эллипсисом глагола.

В числе несомненных параллелей с испанским — устойчивая модель (*eta*) *ezperere(n)*, точно соответствующая зевгматическому обороту (*y*) *si no*, которая, как отмечает Л. Вильясанте, представляет вариант условного предложения в “эллиптической форме (без последующего развития)”: *Jangoikoa sinetsi, onetsi ta adoratu: ezperen, obe ezpazina mundaratu* [53, с. 189]. “Верить, любить и обожать Бога; если нет, то лучше бы ты не родился”. Многие зевгматические обороты обуславливают оригинальность и изящество баскского синтаксиса. Ср. использование частички *ote-* и ответных (безглагольных) реплик в диалогической речи: гипуск. *Aberastuta berealañe Ameriketatik etšeratuko zaigu anaia — ¡Baote! — исп. El hermano, en cuanto se enriquezca, vendrá de América a casa. — ¡Será verdad! (букв. ¡si sí* [50, с. 144] “Брат, как только разбогатеет, из Америки домой придет. Это правда! (букв. “да если”); гипуск. *Elitzake etoriko, adarra autsi balezakio ere. ¡Ezote! — исп. No se caería aunque se lo rompiera la rama. (букв. ¡si no!* [50, с. 144] “Он не упадет, даже если у него сломается рама” (букв. “если нет”).

В большинстве таких случаев в баскских примерах отсутствует связочный глагол (= исп. *ser/estar*). В связи с этим, как отмечают отдельные исследователи, употребление таких эллиптических испанских моделей, как *estoy donde Paco* “я у Пако”, известное также в старокастильском: *¿do la mi ventura?* “где моя удача?”) и в леонском: *¿u la casa?* “где дом?”), наиболее характерно именно для северных районов Кастилии [54, с. 117]. Ср. также типичное для баскского отсутствие глагола экзистенции в пословицах и поговорках, зачастую имеющих прямое соответствие в испанских аналогах: *Astoa eunetan = el burro tejiendo lienzo* “осел, ткущий холст” (букв. “осел в холсте”) [50, с. 92]; *Astoak nolako, zamukak alako = Según (sean) los burros, así (son) los aparejos* [50, с. 92] “Каковы ослы, такова и сбруя”; *Bei tšikarra beti bigantša = La vaca pequeña (es) siempre becerra* [50, с. 144] “Маленькая корова — всегда теленок” (ср. “Маленькая собачка — до старости щенок”). Ср. в кастильском Наварры: *Tantas casas buenas, como mujeres (amas de casa) buenas*, имеющую точную безглагольную параллель в баскском: *Ambeste etche on, ambeste andreon* [55] букв. “Сколько домов хороших, столько женщин хороших”. Как отметил Р. Лафон, в баскском в литературных текстах и обыденной речи используются предложения, которые не содержат никакой глагольной формы, а также предложения, которые содержат неличные глагольные формы, т.е. глагольные формы, не включающие вспомогательного глагола в личной форме и состоящие либо из отглагольного существительного инессиве (= и.-е. инфинитиву), либо причастия прошедшего или будущего времени, либо же просто из глагольной основы. Опускание при всех этих именных формах вспомогательного глагола придает предложению больше лаконизма и энергии [56, с. 84]. Аналогичное явление можно отметить и в кельтских языках. Ср. в др.-ирл. *Cochubur dano i sudiu inna chariot* “Conchobar then (is) sitting in the chariot” [57]. Ср. примеры предложений, в которых отсутствует “обязательный” глагол движения: *Emendik ainbeste mesede auzoera gustiarentzat = De aquí (vienen) tantos favores para todo el barrio* [50, с. 267] “Отсюда (идет) столько преимуществ для всего района”. Как правило, глагол движения отсутствует в моделях, соответствующих придаточным относителным в испанском: *Niganaiñoko bat — uno (que llega) hasta mí* [50, с. 491] “приходящий ко мне”, букв. “ко мне некто”; *aitaganozko bat — uno (que va) hacia el padre* [50, с. 491] “идуший к отцу”, букв. “к отцу некто”; *Amaganikakoa dei au — Esta*

es cosa (que me viene) de la madre [50, с. 491] "Это у меня от матери", букв. "от матери это — имею я это". Как мы предполагаем, в определенной зависимости от этого явления находится частое опущение глаголов движения в испанском, имеющих тенденцию в разговорном языке к употреблению как связки вместо глаголов экзистенции, а в некоторых говорах Испании даже заменяющих глаголы *ser* и *haber* в моделях *plusquamperfecto de indicativo/subjuntivo*. Ср.: *si la fuera terminado* (= *si la hubiera terminado*) "если бы я ее закончил"; *El ya iba venido* (= *El ya había venido*) "Он уже пришел" [24, с. 237].

В прямой связи с компрессией баскской структуры, по-видимому, находится и специфическое функционирование в испанском эллиптических моделей с редукцией активного глагола. Отсутствие последнего в баскском, как мы предполагаем, обусловлено эргативным строением баскского нормативного предложения: наличие маркера эргативности (*-ka*) уже само по себе обуславливает предикативность, и использование глагола становится избыточным. Так, возможность *azkena ni-k* (см. *azkena ni-k pagatu dut*) "последний (заплатил) я" в разговорном баскском отмечает Х. Вагнер [58]. Ср. также отсутствие других активных глаголов в баскских эргативных предложениях: *Eman* (= исп. *dar*): *Bearra diona-k, saintiuer otoiak on* — *El que tiene necesidad (dirige, da) buenas oraciones a los Santos* [50, с. 140]; *Eskatu* (= исп. *pedir*): *Ahuntza-k ardiari ilhe* — *la cabra a la oveja (pide) lana* [50, с. 259], букв. *La cabra a la oveja le (pide) lana* "Коза у овцы (просит) шерсть"; *Mintzatu* (= исп. *hablar*): *Astoa-k asto-elhe* — *El burro habla como burro* [50, с. 92], букв. "Осел ослиные слова (говорит)". Наиболее часто в баскском встречаются эргативные предложения без глагола *edun* (= исп. *tener*); ср. его отсутствие как вспомогательного в моделях составного сказуемого: *ene alabak liburiak maitetu* — *...liburiak maitetu du* "моя дочь любит книги" [59]. Ср. эллипсис *edun* как личной формы активного глагола: *Euskaldunak izaite berezia (dute)* "У басков — бытие особенное", букв.: "баски бытие особенное (имеют)".

Очень часто глагол со значением "обладания" отсутствует, как и глаголы экзистенции (о взаимосвязи посессивных глаголов с глаголами экзистенции в пиренейском ареале подробнее см. [60, с. 114], в пословицах и поговорках: *Gaba-k begia beltz* — *La noche (tiene) el ojo negro* (= *es triste*) [50, с. 312] "У ночи черный глаз" (т.е. "ночь грустна").

О глубоко структурном характере компрессии глагола обладания в баскском свидетельствует его отсутствие после отрицательной частицы: *Gaba-k begirik ez* — *La noche no (tiene) ojos* [50, с. 312] — *Gaba-k begirik ez du* "У ночи нет глаз", букв. "ночь глаз не". Ср. также отсутствие *edun* в моделях, соответствующих придаточным относительным в функции атрибута и представляющих тип номинативных предложений в испанском языке, аналогичных моделям с $\emptyset$ глагола движения, о которых речь шла выше: *Niganako aitatasuna* = *La Paternidad (que tiene) respecto a mí* [50, с. 491] = *su paternidad respecto a mí* "его ко мне отцовские чувства" [*Niganako aitatasuna du*, букв. "для меня отцовское чувство (которое имеет)"].

Отсутствие составного сказуемого (выражающего должностное отношение) можно отметить и в синонимической эргативной-инструментальной конструкции предложения [60]. *Ohaidea ederariaz, ezkontidea zuhuraria-z-(debes escoger) la concubina con motivo de su hermosura, la esposa por su prudencia* "Любовницу (выбирай) по красоте, а жену — по благоразумию". Ср. также $\emptyset$ причастной формы глагола *egin* (= исп. *hacer*) в инструментальной модели *urre-z-ko zirziluak-zarcillos (hechos) de oro* [50, с. 491] "золотые серьги" (= из золота (сделанные) серьги). Активный глагол *egin*, играющий большую роль в образовании аналитических моделей баскской глагольной системы, часто отсутствует как один из "необходимых" компонентов составного сказуемого. Ср. в баск.: *Are-k barre andiyek (egin) entxoien* — *El mucha risa se rió* (= *risa grande hizo*) *de ellos* [52 с. 194] "Он громко над ними рассмеялся" [букв.: "он смех большой (сделавши) от них"].

Чаще всего отмечается $\emptyset$ вспомогательного глагола *izan* = исп. *ser/tener* в "посессивной" или "экзистенциональной" форме: *Muthilek gure zerbitzutan deramate*

urthia, soldata aphur bategatik hartzen pena handia "Слуги проводят у нас год на службе, они выполняют большую работу за маленькую оплату" (*hartzen* употреблено вм. *hartzen dute*, букв. "во взятие имеют").

Органично в баском и отсутствие связки в предложных моделях с существительным, которые соответствуют испанским моделям эллипсиса предложного инфинитива: *Ez har astoa lagun, ezpaduk behar zamadun* = *No tomes al burro por (ser) ompañero, si no lo necesitas para (ser) cargador* [50, с. 92] "Не бери осла в приятели, если он тебе не нужен как носильщик".

Форма *har* в последнем примере представляет основу, которая выражает глагольную идею наиболее неопределенным образом. Она может употребляться без вспомогательного глагола со значением императива, индикатива или повествовательного инфинитива [56; 60, с. 112—113]. Эллипсис управляемого глагола (= исп. *hay que* "нужно") можно отметить и в вышеприведенном предложении с тремя глагольными формами в функции повелительного наклонения: *Jaingoikoa sinetsi, onetsi ta adoratu...* (= исп. *hay que*) *creer, amar y adorar a Dios...* [53, с. 109] "(Надо) верить, любить и обожать Бога...".

В связи с функционированием в испанском инфинитивных форм в функции повелительного наклонения отметим, что О. Апрайс, приводя форму *sentarsus* "садитесь" в кастильском языке в исторически баскоязычной провинции Алава, указывает, что в баском также возможно употребление причастной формы, соответствующей романскому инфинитиву в функции повелительного наклонения.

Показательно, что при этом *etorri* "пришедший" заменяет не только флексивную форму 2 л. ед. числа; *Ator mutilla* "Приходи, юноша!", но и обе формы для 3 л.: *Zatoz jauna* "Приходите, сеньор!", *Zatozte mutillak!* "Приходите, юноши!" [61]. Исходная компрессивность, присущая структуре предложения, является одной из многочисленных трудностей при восприятии устной и письменной баскской речи и связана с явлением "непредсказуемости" баскского высказывания, поразительным для специалистов. Так, испанское предложение *Allí donde uno tiene el bien* (= *la hacienda*) "Там, где у меня имение" в баском сокращается до двух компонентов: *non huna*, букв. *donde el bien* "где имение" [50, с. 360].

Особенно показательна компрессивность, связанная с отсутствием глаголов в обеих частях сложного периода. Так, *lau baietz* соответствует сложноподчиненному предложению в испанском с глаголами в главном и зависимом предложениях: *Apuesto a que sí hay cuatro* "Держу пари, что (там) действительно четыре". Баскская модель, буквально соответствующая испанскому *cuatro que sí* [50, с. 124], является эмфатической и инверсионной, представляя один из аналогов многочисленных конструкций эллипсиса в результате трансформации. Ср. также опущение главного предложения при одновременной эмфатизации главного придаточного: *Bai ezpalleukok erruria ta aapixo* = *Sí (que lo hiciera), si es que no tuviera ruta y apio* [53, с. 186] "Я действительно бы это сделала, если бы у меня не было руты и сельдерея".

Прерывистый характер баскской речи обусловлен преимущественно высказываниями, компрессивная структура которых — следствие отсутствия компонентов, легко восстанавливаемых из контекста самого предложения. Особенности их в том, что они вполне органичны и полных коррелятов не имеют. В прерывистых (неэллиптических) моделях испанского восстановление недостающих компонентов невозможно или гадательно. Отмеченные аналоги баскских прерывистых моделей, имея полные корреляты, составляют корпус истинно эллиптических конструкций в испанском языке. Ярко выраженная тенденция к функционированию последних в разговорном языке является одной из отличительных особенностей структуры иберо-романского предложения и была обусловлена диглоссией в пиренейском регионе, которая, как отметил на IV коллоквиуме по языкам и культурам Пиренейского п-ова С. Маринер, имела место с самого начала васконо-латинских контактов [62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маявина Л.А.* У истоков языкознания нового времени. М., 1985.
2. *Chicharro O.* Santa Teresa en su torno histórico y social / Santa Teresa de Jesús. Libro de la vida. Madrid, 1990.
3. *Береговская Э.М.* Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // ВЯ. 1985. № 5.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 592.
5. *Дресслер В.У.* К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры // ВЯ. 1971. № 1.
6. *Леман В.П.* Протоиндоевропейский синтаксис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1988.
7. *Sánchez Sevilla P.* El habla de Cespedosa de Tormes // RFE. 1928. T. 28.
8. *Зеликов М.В.* Типологические и субстратные параллели к синтаксической эмфазе в испанском языке // ИАН СЛЯ. 1989. № 4.
9. *Beinhauer W.* Dos tendencias antagónicas en el lenguaje coloquial español // Español actual. 1965. № 6.
10. *Николаева Т.М.* Дихотомия или эволюция? // ВЯ. 1992. № 2. С. 16—17.
11. *Кривоносов А.Т.* Мышление — без языка? Экономия языковой материи — закон процесса мышления // ВЯ. 1992. № 2.
12. *Девкин В.Д.* Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965. С. 10.
13. *Дресслер В.* Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
14. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 303.
15. *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. М., 1978.
16. *Реферовская Е.А., Васильева А.К.* Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. 2. Л., 1973. С. 56—76.
17. *Barrenechea A.M.* A propósito de la elipsis en la coordinación / Estudios lingüísticos y dialectológicos: temas Hispánicos. Buenos Aires, 1979.
18. *Lozano M.C., Pinkham J.* Spanish comparatives without ellipses // PCLS. 1984. T. 20.
19. *Beinhauer W.* El español coloquial. Gredos. M., 1966.
20. *Lorenzo E.* Español de hoy. La lengua en ebullición. Madrid, 1966.
21. *Herrero G.* La lengua coloquial. Concepto y factores que la caracterizan // Anuario lingüístico hispanico. 1990. V. 6. P. 268—269.
22. *Арутюнова Н.Д.* Трудности перевода с испанского языка на русский. М., 1965.
23. *Cortes Rodriguez L.* Hacia unas posibles variantes sintácticas en el campo sociolingüístico // RSEL. 1982. № 12/1. P. 94.
24. *Narbona Jiménez A.* Problemas de syntaxis coloquial andaluza // RSEL. 1986. № 16/2.
25. *Бессарабова Г.А.* Об информативных предложениях в испанском языке // Тез. докл. Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Т. 1. Воронеж, 1991.
26. *Зеликов М.В.* Синтаксис простого предложения (Разговорный аспект предложений по структуре. Эллиптические предложения в испанском языке). Л., 1989.
27. *Fernando de Rojas, Camilo Jose Cela.* La Celestina. Barcelona, 1989.
28. *Contreras L.* Oraciones independientes introducidas por si // BFUCh. 1960. № 12.
29. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 315.
30. *Кобозева И.М.* "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
31. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллюкативное вынуждение в структуре диалога // ВЯ 1992. № 2.
32. *Касевич В.Б.* Типология правил и эллипсис // Тез. докл. Всесоюз. конф. по лингвистической типологии. АН СССР. М., 1990. С. 67.
33. *Швейцер А.Д.* Проблемы контрастивной стилистики (К сопоставительному анализу функциональных стилей) // ВЯ. 1991. № 4. С. 38.
34. *Shishkova T.N., Popok J.C.L.* Estilística de la lengua española. Minsk, 1989.
35. *Зеликов М.В.* Синтаксическая эмфаза в испанском языке. Л., 1987. С. 60—61.
36. *Reyes G.* Tiempo, modo, aspecto e intertextualidad // RSEL. 1990. № 20/1. P. 17.
37. *Григорьев В.П.* Становление языка испанской национальной литературы. Л., 1975. С. 53.
38. *Giese W.* Syntaktisches und Stilistisches in Josep Pla's "Coses vistes" // Syntactica und Stylistica. Festschrift E. Gamillscheg. Tübingen 1957.
39. *Blasco Ferrer E.* Il latino e la romanizzazione della Sardegna. Vecchie e nuove ipotesi // AGL. 1989. V. 74.
40. *Неустроева Г.К.* Об одной типизированной конструкции испанского разговорного языка // Тез. докл. I Всесоюз. конф. по испанской филологии. Л., 1970. С. 79.
41. *Gabinsky M.A.* As antinomias do infinitivo românico e a sua resolução // Boletim de Trabalhos históricos. 1959. P. 115.
42. *Buyssens E.* Tautologies // La linguistique. 1960. № 6.
43. *Jordan J.* Quelques parallèles syntaxiques // Recueil d'études romanes. 1959. P. 115.
44. *Carrera M.* Italiano y español: elementos para una comparación / Italiano y español. Estudios lingüísticos // Publ. [de] Univ. [de] Sevilla. 1984. № 74.
45. *Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Карулин Ю.А., Лухт Л.И.* О сопоставительном синтаксисе романских языков // Вопросы романского языкознания: Материалы I Всесоюз. совещ. по романскому языкознанию. Кишинев, 1963.

46. *Rohlfs G.* Le gascon // ZRPh. 1935. Hf. 85.
47. *Bayle L.* Provençale. Grammaire. L'Astrado, 1967. P. 25.
48. *Baranda Leturio C.* Las hablas de negros. Orígenes de un personaje literario // RFE. 1989. T. 19. № 3—4. P. 332.
49. *Lafon R.* L'expression de l'action en basque // BSLP. 1960. T. 55. P. 184.
50. *Agud M., Tovar A.* Diccionario etimológico vasco // Anejos del Anuario del Seminario de Filología Vasca "Julio de Urquijo". 1989. T. 1; 1990. T. 2.
51. *Menéndez Pidal R.* El dialecto leonés. Oviedo, 1962.
52. *Holmer N.M., Holmer V.A.* Apuntes vizcaínos // Anuario del Seminario de Filología vasca "Julio de Urquijo". 1969. T. 3.
53. *Villasante L.* Sintaxis de la oración compuesta. Oñate, 1976.
54. *Зеликов М.В.* Испано-баскские параллели в произведениях Сервантеса / Сервантесовские чтения. Л., 1988. С. 129.
55. *Ollaquindia R.* Selección de Vocabulario navarro / Navarra. Temas de cultura popular. Pamplona, 1984. P. 26.
56. *Lafon R.* Principes de rôle syntaxique du verbe en basque de Basse-Navarre orientale // BSLP. 1967. T. 62.
57. *Robbins D.M.* The hypomorphik goddess and her offspring // JIES. 1990. № 18. P. 299.
58. *Wagner H.* The typological background of the ergative construction // Proc. RIA. 1978. 3. P. 43.
59. *Moutard N.* Une gémation expressive en basque // La linguistique. 1970. V. 6. № 1. P. 85.
60. *Зеликов М.В.* Эргативные параллели в баскском и иберо-романском предложении // ВЯ. 1990. № 4.
61. *Apraiz O.* de Bibliografía // RJEV. 1933. T. 24. / 1. P. 113.
62. *Mariner Bigorra S.* Latín y paleohispánicas lenguas en contacto / Studia Paleohispanica: Actas IV Coloquio sobre lenguas y cultura paleohispánicas. Vitoria, 1985-1986. P. 138.